

Судя по содержанию грамоты, Терентий мог бы быть и угличанином или ярославцем (хотя более вероятно всё же, что он новгородец); следует считаться также с возможностью того, что письмо Терентия записал местный уроженец.

Савина чадъ — ‘люди Саввы’.оборот этого типа характерен для древних частей летописей — по XIII в. (ср., в частности, *а Борис(о)ве чад(и) показаша поут(ь) съ женам(и)* — Синод. НПЛ [1232]). В *поедутъ дружина Савина чадъ* представлен обычный для др.-р. языка тип согласования с существительными собирательного значения (ср. иное согласование со словом *дружина* в № 109, А 14). Сходный в лексическом и синтаксическом отношении пример: *и начаша думати дружина Ратиборова чадъ съ кнѣземъ Володимеромъ ѿ погублен(ь)и Итларевы чади* (Ипат. [1095]).

Слово *лошакъ* обозначает, по-видимому, молодого коня, ср. значения ‘молодой конь’, ‘жеребенок в возрасте от одного до трех лет’, отмечаемые для слова *лошак* в СРНГ (правда, наряду с некоторыми другими значениями, в частности, ‘старый мерин, еще выполняющий какую-либо работу’). Во всяком случае ясно, что это слово не имеет здесь своего нынешнего литературного значения (‘помесь жеребца и ослицы’) — хотя бы потому, что лошаки неизвестны на Руси и вообще не имеют хозяйственного значения. Переводы слова *лошакъ*, данные в Срезн. (‘mulus’) и в Слов. XI–XVII (‘лошак’), ошибочны; ср. перевод в СДРЯ: ‘молодая лошадь’.

Добрь здоровъ ‘жив-здоров’ — устойчивое сочетание, выражающее благополучие (одновременно физическое и социальное). Оно непосредственно сохранилось в псковских и новгородских говорах в виде *дѡбр здарѡѹ* (*дѡб-здоровъ*, *дѡп и здарѡф*) ‘здоров, благополучен’ (см. Минлос 2001). В литературном языке остался его след в виде наречия *подобру-поздорову* (более косвенными следами являются выражения *на доброе здоровье*, *в добром здравии*).

О том, что др.-р. *сѡдоровъ* (после падения редуцированных — наддиал. *здоровъ*, др.-новг. *сторовъ*) отличалось по значению от современного *здоров*, наглядно свидетельствует, например, следующая фраза: *и отъидоша, и приидоша вси здорови, но ранени, а Иванъ Клекаевичъ привезенъ преставися с той раны* (Новг. IV лет. [1293], л. 161). Медицинское значение могло выступать лишь как частный случай более общего значения благополучия, ср.: *а мы вчера ѣхали, а ѡнь добрь здоровъ* (о скоропостижной смерти Вячеслава — Ипат. [1154], л. 170; исправлено по Хлебниковскому списку: в Ипат. переписчик добавил *и* после *добрь*).

В 38. Грамота № 582 (стратигр. кон. 1280-х – 1300-е гг., внестратигр. 1260-е – 1290-е гг. [предпочт. не ранее 1280-х]; Нутн.)

цето еси прислале два человека
те побегли а коне не ведаю г[д]ѣ пои
мавоши а тимона меретве

Перевод: ‘Те два человека, что ты прислал, бежали, а коней где взяли, не знаю. А Тимоны умер’. Возможно, это донесение от командира небольшого отряда или гарнизона. Как и в других подобных донесениях, адресная формула отсутствует.

Графика: 1) *ѡ* → *о*, *ѡ* → *е*, *ѣ* → *е/ѣ* (5/1); 2) *е*, *и*. В слове *г[д]ѣ* *д* недописано и выглядит как *л*.

Редуцир.: I — *дова*, *поймавоши*, *цето*; II — *прислале*, *г[д]ѣ* (из *къдѣ*; NB написание с *г*). В *цето* буква *е* — знак мягкости, в *поймавоши* *во* передает [w] или [v]. Особо сто-

ит *дова*: здесь *о* — либо орфографический архаизм, либо элемент скандирующей записи (в данном случае непоследовательной). Плавные: *меретве* (фонетически это, вероятно, [m'ер'т'в'е], хотя в принципе возможно и [m'ер'ет'в'е] — графика здесь двусмысленна); см. об этом примере также § 3.7.

Морфология: *-е* в *меретве*, *прислале*. Отметим инновацию *те* <тѣ> (вместо *ти*) в И. мн. муж., а также *поймавоши* (вместо *-ше*). Показательна утрата двойственного числа: о двух людях сказано *те побегли*.

В *Тимона меретве* проявилась особенность др.-р. *мъртвъ*, состоящая в том, что оно функционально эквивалентно причастию (более конкретно, *l*-причастию), а не обычному прилагательному. Это нагляднее всего выступает во фразах с *когда*, *коли* и т. п., например: *того лѣта коли епѣтъ Альбрахтъ рижьскыи мъртвъ* (Смол. дог. 1229 D, 4; в готландской редакции *оумърль*); *от того лѣта коли Ю(аннь) князь мъртвъ Ивановиче* (ГВНП, № 106). Не менее показательны фразы типа: *что ксте писали к нам свою грамоту ѿ то^м что оу ва^с мертве нашъ бра^т псковитинъ* (псковская грамота 1418–19 гг., Д 41); *пришла грамота ... ѿ Ивана, оу кого мертве нашъ бра^т Никоне* (там же). Отсюда понятно, что *мъртвъ* имеет фактически глагольное, а не адъективное значение также и во многих других контекстах, например: *оубьен же бы^с в субту на ночь и ѿ свѣтѣ заутра мертвъ в недлю* (Лавр. [1175], л. 124 об.); *Мария Муромцова купила то село ... да дала своему сыну Микуле. И тот Микула мертв, ин ('и он') приказал своей жене Олене ...; и далее: ... Григорей был на Белеве, ина без него та Олена мертва, ина приказала своему поселскому Давиду ...* (АСЭИ, I, № 282).

Заметим, что эта особенность др.-р. *мъртвъ* точно соответствует свойствам лат. *mortuus* (генетически тождественного ему по фонемному составу): в латыни *mortuus est* стало просто частью парадигмы глагола *morī*, т. е. иначе выразить значение 'он умер' здесь уже и нельзя.

В 39. Грамота Пск. 6 (стратигр. сер. – 2 пол. XIII в., внестратигр. 2 пол. [предпочт. посл. четв.] XIII в.)

ѿ кюрѣка и ѿ герасѣма к онѣфѣму про белоу оже ксте
не стороговале то прислите со проста занода оу насѣ
коупла есте беле а про себе оже боудыше порожене то боу^д
ди к намѣ а намѣ ксинофонтѣ измакле а про сеи чело^в
веко мы его не знаемо а во томо божѣа вола и твѣ^а
оѣа

Перевод: 'От Кюрѣка и от Герасѣма к Онѣфѣму. О беличьих шкурках: если (*или*: что) вы еще не сторговали (т. е. не запродали), то пришлите [сюда] немедленно, потому что у нас [здесь] есть спрос на беличьи шкурки. А о тебе: если будешь свободен, то приезжай (букв.: будь) к нам — Ксинофонт нам напортил (нанес ущерб, расстроил дела). А об этом человеке (т. е. Ксинофонте): мы его не знаем; а в том воля Божья и твоя'.

Ксинофонт явно обладал какими-то полномочиями, полученными от Онѣфѣма. Заключительная фраза письма — не что иное, как вежливая просьба к Онѣфѣму отстранить Ксинофонта (ср. очень похожую по смыслу концовку грамоты № 311: *а мы его не хѣтимо: не сусѣднеи чело^вѣко; волено Б(о)дѣ д(а) і ты*). Вероятно, в торговых делах, которые вели Кюрѣк, Герасѣм и Онѣфѣм, Онѣфѣм был старшим компаньоном.